

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ИМЕНА И ТЕНДЕНЦИИ

УДК 821.161.1-1. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЭЗИИ И ПОЭТОЛОГИЯ ТРАНСГРЕССИИ

Житенев А. А.

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Аннотация. В статье исследуются определения поэзии в русской литературе 1990–2010-х гг. Предмет анализа – концептуализация поэзии, способы связывать с ней социальные и культурные значения. В противовес существующей традиции поэтологических исследований автор статьи ставит в центр внимания не поэзию как таковую, а представления о ней, которые считает изменчивыми и историчными. Установлено, что все рассмотренные определения объединяет мысль о глубоких изменениях в понимании места поэзии в культуре, в представлениях о лирическом субъекте, в способах организации поэтического текста. Широта этих изменений позволяет говорить о формировании новой парадигмы поэтичности, о пересмотре представлений о поэзии и ее признаках. Закономерным образом и на уровне художественной саморефлексии, и на уровне поэтики, и на уровне прагматики текста актуализируется роль границы – семантической, бытийной, ценностной. Системное переопределение поэзии как культурной практики в этом смысле кажется правомерным соотносить с понятиями трансгрессивности и лиминальности. Закономерно, что концепт «границы» оказывается самым частым элементом во всех рассмотренных определениях поэзии. Пограничность выступает как примета кризисной современности, в которой «переход» оказывается способом преодоления социальной и культурной стагнации, а также инерции литературного развития. Трансгрессия как «жест, который обращен на предел» (М. Фуко) или «преодоление непреодолимого предела» (М. Бланшо) оказывается инструментом самокритики поэзии и способом преодолеть и модернистскую абсолютизацию «нового», и постмодернистский кризис новизны. Трансгрессия как то, что существует вне линейной направленности, может быть истолкована как попытка выстроить систему равнозначимых альтернатив литературного развития. Поэзия истолковывается ее современными теоретиками как «пограничная» практика, испытывающая антропологические, экзистенциальные и языковые пределы. Такой взгляд, как полагает автор статьи, связан с тем, что в культуре возникает запрос на пересмотр самих оснований письма, на новую литературу и новую модель «литературности».

Ключевые слова: поэтология; трансгрессия; современная русская поэзия; субъективность; лиминальность; русские поэты; поэтическое творчество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00205-П).

Для цитирования: Житенев, А. А. Определения поэзии и поэтология трансгрессии / А. А. Житенев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Том 27, № 2. – С. 30–42.

DEFINITIONS OF POETRY AND POETOLOGY OF TRANSGRESSION

Aleksandr A. Zhitenev

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Abstract. The article examines the definitions of poetry in the Russian literature of the 1990–2010. The object of analysis is the conceptualization of poetry and the ways of association of social and cultural meanings with it. In contrast to the existing tradition of poetological research, the author of the article does not focus on poetry as such, but on the ideas about it, which he considers changeable and historical. It has been found that all the definitions considered are united by the idea of a profound changes in the understanding of the place of poetry in culture, in the ideas about the lyrical subject, and in the ways of organization a poetic text. The depth of this change allows one to talk about the formation of a new paradigm of poetry and about the revision of ideas about poetry and its typical features. Naturally, on the level of artistic self-reflection, on the level of poetics, and on the level of the pragmatics of the text, the role of the semantic, existential, and value-based boundary is actualized. It seems feasible to correlate the systemic redefinition of poetry as cultural practice in this sense with the concepts of transgressiveness and liminality. It is only natural that the concept of “boundaries” turns out to be the most frequent element in all the definitions of poetry considered. The idea of a boundary acts as a sign of crisis of modernity, in which “transition” turns out to be a way to overcome social and cultural stagnation, as well as the inertia of literary development. Transgression as a “gesture that is directed to the limit” (M. Foucault) or “overcoming the insurmountable limit” (M. Blanchot) turns out to be an instrument of self-criticism of poetry and a way to overcome both the modernist absolutization of the “new” and the postmodern crisis of novelty. Transgression as something that exists outside the linear orientation can be interpreted as an attempt to build a system of equivalent alternatives to literary development. Poetry is interpreted by its modern theorists as a “borderline” practice, experiencing anthropological, existential, and linguistic limits. Such a view, as the author of the article believes, is because in culture there is a request for a revision of the very foundations of writing, for new literature and a new model of “literariness”.

Keywords: poetology; transgression; modern Russian poetry; subjectivity; liminality; Russian poets; poetic creative activity

Acknowledgments: the given research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (RSF) Grant No. 19-18-00205-П.

For citation: Zhitenev, A. A. (2022). Definitions of Poetry and Poetology of Transgression. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 2, pp. 30–42.

Введение

За последние два десятилетия сетования критики на то, что между языком поэзии и языком ее описания существует непреодолимый разрыв, стали уже привычными. Применительно к некоторым современным литературным практикам само слово «поэзия» кажется иногда сужающим границы предмета. Так, С. Огурцов, отталкиваясь от наблюдений над книгой Е. Сусловой, отмечает: «Сегодняшняя поэзия существует в расширенном поле знания, у нее больше общего с нейрофизиологическими исследованиями, чем с университетской эстетикой, она более органично располагается в дискурсе современного искусства, чем в литературных альманахах, нередко ее лучше понимают программисты, чем филологи» [Огурцов 2016: 10]. При всей крайности формулировки она отчетливо обозначает необходи-

мость пересмотра и конститутивных признаков поэзии, и ее телеологии, и ее места в культуре. В российском теоретико-литературном контексте эта задача еще не артикулирована, в то время как в западном она активно обсуждается уже более десятилетия.

Здесь стоит сделать уточнение: продуктивному обсуждению вопроса сегодня в немалой степени мешают те дефинитивные ореолы, которые сопутствуют терминам, описывающим исследуемую предметную область. Спосособ представлять предмет начинает навязывать ему готовые смыслы и расходиться с ним.

Если исходить из традиционного понимания поэзии как стихотворной формы речи, сразу возникает вопрос, насколько для современной поэзии релевантна эта стихотворность, и действительно ли современные практики по-прежнему можно описывать в оппозиции

«стихи» – «проза». Если принимать за точку отсчета мысль о том, что лирика – это литературный род, который стоит мыслить в системе других родов, возникает вопрос, может ли быть артикулирована убедительная система формальных признаков, отличающих сегодня лирику от драмы или эпоса и, главное, существует ли для современного поэта такая система.

Сомнительность даже не дефиниций, а устоявшихся подходов к ним позволяет, как кажется, временно заключить в скобки их основания, вернуться к позиции «ученого незнания», в котором любые априори кажутся неуместными. Будем исходить из того, что в ситуации такого незнания (как и в практике описания поэтами своей работы) «поэзия» и «лирика» могут быть до известной степени синонимичными. В западной теории лирики, во всяком случае, проблематизация термина начинается с обозначения неудобств, связанных с его использованием.

В редакторском вступлении к тому «Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric» (2005) Э. Мюллер-Цеттельман и М. Рубик сетуют на «анахроничность» современной теории лирики: «Практика анализа лирики в контексте современных наук о литературе и культуре идет по явно анахроническому пути <...> „Современная“ теория поэзии образует анклав, далекий от влияния мейнстрима теории литературы и до сих пор работает с аксиомами, полученными в основном из пост-романтических концепций жанра и рецепции» [Müller-Zetzelmann, Rubik 2005: 9].

В. Вольф, объясняя причины такого положения вещей, констатирует невозможность абсолютизации отдельных признаков поэзии, поскольку среди множества ее форм наверняка найдутся такие, которые существующей теорией не предусмотрены. Лирика может соотноситься с устным исполнением, но не вся лирика предназначена для рецитации; с лирикой связывается краткость, но можно найти немало примеров «больших стихотворений»; с лирикой связывается «отклонение» от норм дискурса, но не только лирика допускает такое «отклонение»; лирика ассоциируется со стихотворством, но не для каждого текста важен «приоритет акустического потенциала вербальных означаемых»; лирика характеризуется самореферентностью, но самореферент-

ность свойственна и литературе как таковой; с лирикой соотносится идея «непосредственного самосознания», но можно найти немало примеров поэзии с разными формами опосредованного выражения субъекта; в лирике часто отмечается особая роль «индивидуальной перспективы», но и этот тезис нетрудно подвергнуть критике ссылкой на самые разные примеры [Wolf 2005: 23].

Тезис о сопротивлении лирики исчерпывающему определению появляется и во многих других современных исследованиях. Я. Рамазани констатирует: «Лирика не может быть определена одним или несколькими формальными признаками, которые являются исключительными; лирика может быть описана как ряд неэксклюзивных формальных стратегий, закодированных в текстах и сообществах, которые их производят и получают» [Ramazani 2017: 97].

О всеобъемлющей проблематичности лирики как объекта исследования пишет Д. Лампинг: «До сих пор остается неясным, чем именно конституируется природа лирической поэзии как человеческого высказывания. Является ли она, например, особой „поэтической“ манерой речи (или письма), т. е. специфическим игровым способом использования и организации слов? Или это, скорее, способ создания миров, отдельных миров индивидуальных субъектов, которые указывают на их создателей? Или лирическая поэзия просто выражает чувства и волнения души, т. е. психические состояния и, в частности, эмоции? Для каждого из этих предположений есть хорошие аргументы, а также контраргументы. Консенсус не существует ни по одному из них – в то время как число возможных потенциальных ответов, а также потенциальных вопросов далеко не исчерпано» [Lamping 2017: 86].

Лирикология как новая научная дисциплина стала, таким образом, прежде всего областью порождения новых вопросов о сущности «поэтического». Необходимым условием этого оказалась типологизация уже имеющихся ответов.

Характеризуя модели лирики, Д. Лампинг очерчивает пределы их применимости. Для «субъективной теории лирики» в разных ее вариантах характерно помещение в центр внимания субъективности; ее предел задан отказом поэтов «от языка души». «Аддитивная

теория лирики» исходит из возможности описать явление через «базовые паттерны». Проблемой для этой модели является определение таких «паттернов». «Лингвистическая теория поэзии» исходит из специфичности поэтического языка, понимаемой как совокупность «отклонений», и здесь проблемой будет сама идея «отклонения» как специфической черты. «Формальная теория поэзии» исходит из «нейтральности экстенционального определения», в котором критерием поэтичности является стиховая форма, которая, очевидно, важна не везде [Lamping 2010: 324–326].

В обзоре «теорий лирики» Р. Цимнера возникает близкая картина противоречивого освоения феномена. Характеризуя важнейшие направления теоретизирования в XX–XXI веках, ученый подробно останавливается на языковой и формальной теориях, на нарратологической теории, теории пакта и теории лирики в контексте общей теории систем. В нарратологической теории повествовательность трактуется как сущностная особенность литературного текста, в связи с чем лирика и драма оказываются формами с редуцированной нарративностью. Предпосылками теории являются фикциональность лирики и ее соотносимость с нарративной схемой коммуникативных инстанций. В теории лирики, связанной с теорией систем, акцент поставлен на функциях лирики «как системы в ансамбле общественных систем»; при этом лирика интересна как «прототипическая экземплификация литературы». В теории пакта «пакт» понимается как «рама для структурирующей связи, которую пользователи языка устанавливают между языком и дискурсом» [Zumner 2010: 27–32].

В предисловии к тематическому номеру «Journal of Literary Theory» (2017) редакторами тома акцент поставлен на проблемных узлах лирикологии как новой дисциплины. Особого внимания заслуживает параграф, в котором обсуждаются «категориальный» и «протитипический» подходы к решению спорных вопросов. Как отмечают авторы статьи, «категориальные определения лирики <...> вызвали критику», поскольку вычленение определяющих черт всегда расходилось с литературной практикой; именно поэтому в современной теории лирики наблюдается «растущее предпочтение прототипическим определениям лирики, ко-

торые концентрируются на так называемых „хороших примерах“» [Hillebrandt, Klimek, Müller, Waters, Zumner 2019: 4].

Принимая во внимание эту тенденцию, В. Вольф отдает предпочтение к «прототипическому» и «коммуникативному» подходу: «Такие жанры, как лирика <...> являются не фиксированными сущностями, которые определяются конечным числом неотъемлемых текстовых черт, а гибкими коммуникативными устройствами <...> Таким образом, до того, как стихотворение написано или прочитано, поэты и читатели уже обладают понятием „поэтичности“ или „лиричности“ как части своей культурной компетенции» [Wolf 2005: 32].

Таким образом, выход из апорий теории лирики связывается сегодня с переключением внимания с поиска субстанциальных определений на осмысление коммуникативных контекстов и конкретных условий «лирического пакта». Как нам кажется, в современном российском контексте одним из способов «читать лирику лирически» [Rodriguez 2017: 14] оказывается анализ форм саморазъяснения – эссе, манифестов, интервью, – прямо нацеленных на проговаривание новой системы координат. В ней одним из самых частых предметов обсуждения оказываются семиотические и бытийные границы и способы их преодоления. Цель этой работы – исследовать контексты, в которых определения поэзии современными поэтами связаны с семантикой «границы».

Поэзия как лиминальная и трансгрессивная практика

Соотнесение поэзии с лиминальностью или трансгрессивностью – один из важных трендов многих современных исследований, при этом актуализация границ связывается и с сущностью «поэтического» как такового, и с актуальной культурной ситуацией.

В интерпретации А. Михелис поэзия в принципе трансгрессивна, поскольку существует в контексте, сопротивляющемся производству символического порядка как практике полагания границ. Поэзия – это всегда «экссесс», поскольку поэтические тексты всегда «пересекают смысловые и знаковые границы»; «то, что является внутренним, будет экстернализовано, и наоборот, поэтому границы не останутся нетронутыми и стабильными» [Michelis 2005: 92].

В исследованиях, объединенных в недавнем томе «Субъект и лиминальность в современной поэзии» (2020), тематизация границы связывается не с имманентными качествами поэзии, а с релевантностью концепта границы в современном гуманитарном знании. Е. Фридрихс, формулируя теоретические предпосылки книги, связывает их с пониманием границы как главного «механизма смыслопорождения»: «Поэзия как особый *смысловой* дискурс, порождающий нетривиальные смысловые ассоциации, представляет собой вид лиминального дискурса, *обеспечивающего саму реализацию процесса перехода*» [Фридрихс 2020: 4].

С нашей точки зрения, однако, наиболее адекватным проблеме будет рассмотрение концепта границы не как априорной предпосылки исследования, а как элемента авторской поэтологии, ситуативно определенного элемента, содержание которого задано рефлексией поэта над основаниями и смыслами своей деятельности.

В российской поэтологии нескольких последних десятилетий факт тематизации границы, как правило, свидетельствует об исчерпанности моделей литературного развития и стремлении найти какие-то новые горизонты. Один из самых показательных примеров такого рода – актуализация понятия «границы» в поэтологии Д. Пригова 1990-х гг., у которого именно интерпретация литературы как поля, воспроизводящего одни и те же формы, как «народного промысла» обуславливает потребность в пребывании на границе разных творческих областей, разных видов искусства и разных субъективностей.

Пригов явно универсализирует проблематику границы, считая ее выражающей самую суть современности – причем не только в литературе: «Думается, что именно определение и разработка модулей перевода и перехода из одних систем и культур в другие, взаимоотношения этих модулей и модусов, а также самой стратегичности подобного поведения и есть ныне доминанта любых разработок в сфере теории гуманитарных наук и культурологии. То есть осознанное существование на границе, в пограничной зоне» [Пригов 2019: 180]. С феноменом границы непосредственно связывается и самоидентификация любого «деятеля культуры» как современного: «Я это

очень живо чувствую, я не есть полностью в искусстве, я не есть полностью в жизни, я есть эта самая граница, этот квант перевода из одной действительности в другую» [Пригов 2019: 64].

Пригов, разумеется, не единственный поэт, рассуждавший во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг. о выходе к границам как неперемennom условии соответствия современности. Близкая, хотя и нетождественная логика, обнаруживается, например, у М. Айзенберга, Б. Дубина, А. Скидана.

В работах о литературе Б. Дубина литература в целом интерпретируется как «феномен границы» [Дубин 2005: 28]; поэзия представляет собой область, в которой эта закономерность лишь предельно заострена. Поэтическое слово трактуется Дубиным как «слово, непрестанно и беспощадно испытующее свои возможности, границы и права» [Дубин 2018: 262], а «дело поэта» связывается с «одержимым стремлением» к пределам, «всегда остающимся вдали» [Дубин 2005: 123].

В размышлениях М. Айзенберга идея «преодоления» – прежде всего речевой данности – является определяющей для поэзии: «Стихи становятся реальностью только <...> превосходя наличные языковые возможности» [Айзенберг 2005а: 16]. Стремление к этому преодолению и определяет появление мотива «границы»: «Стихи <...> возникают <...> всегда за границами или на границах» [Айзенберг 2007: 105]; «Поэзия <...> это всегда существование <...> на границе – между озарением и инерцией, между нормой и ее разрушением, между жизнью языка и просто жизнью» [Айзенберг 2005а: 34].

Ориентированной на более широкий, нежели очерченный Приговым, модернистский контекст, в котором поэзия, начиная как минимум с Бодлера и Гельдерлина, развивается как «пограничная» практика, оказывается концепция А. Скидана в «Сопротивлении поэзии» (1995): «Место Бога, таким образом, занимает язык. Отныне действительность поэзии, ее пафос будет заключаться в покушении на границы языка, в пребывании на границе. <...> Но мы все еще останемся в границах банального, если не научимся не только испытывать эти границы на прочность, <...> но и разделять их между собой и другим, между собой и собой же. Точнее, разделять эту границу самим собой: быть ею» [Скидан 2001: 68].

Соотнесение границ с литературностью и поэтичностью ретроспективно оказалось закреплено и в литературоведческих концепциях, описывающих 1990-е, самым ярким примером чего, несомненно, является концепция «мерцающих границ» И. Кукулина: «Для 90-х важно ощущение того, что граница может возникнуть и исчезнуть в любом месте. Мир 90-х может быть описан как мир мерцающих – возникающих и пропадающих – границ» [Кукулин 2019: 294].

В 2000-е и 2010-е гг. полагание и снятие разного рода границ в поэзии оказывается уже общим местом самых разных концепций. Е. Фанайлова в интервью П. Настину отмечает: «Настоящий поэтический, настоящий культурный жест – это всегда выход за свои пределы» [Фанайлова 2008: 14]. М. Астина в интервью с Г.-Д. Зингер считает «пограничность» отличительной чертой всякой, а не только современной поэзии: «Поэт – изначально расколотое единство, территория, исчерченная границами, живая конструкция, состоящая из перегородок и переборок» [Астина 2010]. О предельности поэзии применительно к Г. Дашевскому пишет А. Глазова: «Вся книга вместились в двенадцать стихотворений, в каждом из которых речь подходит к самому пределу, за которым остается невозможность речи и мысли» [Глазова 2014].

В Положении о поэтической премии Аркадия Драгомощенко, нацеленной на поощрение молодых поэтов, тематизация и преодоление границы рассматриваются как одно из важнейших условий литературной инновации: «Приоритетными для премии являются авторские практики, отмеченные интенсивной рефлексией, заложенной внутри самого поэтического письма. <...> В основе поэтической рефлексии <...>, на наш взгляд, лежит интенсивный интеллектуальный диалог с культурой и другими видами искусств, а также постоянное исследование языка (его границ) и мира, который никогда не дается в своих готовых формах, а всегда – в разрыве, в зиянии» [О премии 2014].

Широта использования метафоры не могла не вызвать сопротивления ее бесконтрольной экспансии. Не удивительно, что в некоторых контекстах абсолютизация границ(ы) рассматривается как сугубо спекулятивный ход – как, например, в эссеистике О. Седаковой

в 2000-е гг.: «Поэтично бесстрашное, поэтично крайнее, поэтично переходящее пределы. Разве не так? Это знает и тот, кто не обзавелся привычкой читать стихи. Скупая, осмотрительная, монотонная обыденность, несомненно, не поэтична. Ее взрыв и есть новая архитектура» [Седакова 2010: 124].

Проницаемость границ в некоторых контекстах трактуется не как свидетельство расширения круга возможностей, но, напротив, как признак их сужения. Так, к примеру, в рецензии Г. Дашевского на книгу М. Степановой «Киреевский» проницаемость границ оказывается признаком «бессобытийности» текста и отсутствия в нем будущего: «За последние месяцы общественное сознание стало буквально одержимо темой роковой границы <...> или, точнее, множества таких границ. <...> И в этот разговор о границах книга „Киреевский“ вступает вроде бы с хорошей новостью: все здешние границы, границы в пространстве русского сознания преодолимы, раз уж так легко пересекается здесь главная граница – между живыми и мертвыми. Но у этой новости есть и продолжение. Чем прозрачней границы, чем легче переход, тем он незначительнее – измелченная смерть не приводит к новой жизни, побег не приводит к настоящей свободе. <...> Будущее невозможно без непреодолимых границ и без окончательных разрывов» [Дашевский 2015: 116].

В этой пространной цитате заслуживает внимания прямо противоположная приговской интерпретация существования на границах и возможности их пересечения – при очевидном сохранении связи метафоры границы с состоянием общества и культуры, с возможностями публичной и политической активности. Скепсис по отношению к прозрачным границам, однако, не означает деактуализации самой метафоры. Напротив, речь идет, скорее, о потребности в ее радикализации («непреодолимые границы» и «окончательные разрывы»), о том, что косности социального бытия и стагнации бытия литературного можно противопоставить только трансгрессивные альтернативы.

Характерны в этом отношении акценты в работах И. Гулина 2010-х гг. Так, рассуждая о самых показательных сдвигах в условиях бытования текста в новейшей культуре, поэт

отмечает их инфляцию в информационном поле. Ценным может остаться только то, что изначально не предполагает включения в процедуры символического обмена: «Эти тексты обречены на непрочитанность в момент своего создания. И тем самым они требуют чтения. Напрасность заложена в них с самого начала, переведена на уровень структуры, предпосылок. Через это рассогласование такие тексты получают своего рода негативно-утопический потенциал» [Гулин 2018].

Этот потенциал, как явствует из текста, связан с приближением к пределам – «пределам инфляции текста», «пределам гетто производителей и потребителей новой литературы» и др. В рецензии И. Гулина на книгу М. Гронаса самым важным из пределов, попадающих в поле внимания, оказывается предел бытия: «Тексты Гронаса всегда имеют дело с опытом грани, на которой кончается жизнь. <...> Возможность писать такие стихи лежит не в желании передать опыт предела, но в близости к языку <...> Язык здесь – не культурная, дискурсивная вещь, не божественный дар, но и не биологическая функция. Это нечто, что возникает на границе тела» [Гулин 2019].

Такое сближение пределов языка и пределов тела позволяет предположить, что в современном российском контексте предельность вписывается в само представление о поэзии. Едва ли не самым репрезентативным материалом в этой связи, как нам кажется, могут быть ситуативные определения поэзии. Конечно, они лишены дискурсивной четкости, но в то же время вполне способны отразить круг «общих мест», составляющих горизонт современного разговора о поэзии.

Типология «пределов» в современной русской поэзии

Обращение к практикам, ориентированным на «критическую инновацию» (И. Кукулин), позволяет выделить три самых часто упоминаемых варианта предела: предел субъективности, предел бытия, предел языка. Каждый из этих векторов поэтологической рефлексии предполагает свой набор вариантов.

Определение поэзии через соотнесение с субъектом – один из самых продуктивных поэтологических сценариев, при этом в фокусе, как правило, оказывается телесность субъек-

та. О специфической «телесности» / «физиологичности» поэтического текста или его сочинительства упоминают самые разные авторы.

П. Барскова в опросе журнала «Воздух» отмечает: «Я всегда полагала, что поэзия – это физиологическая функция. Какая-нибудь морская тварь выпускает в нападающего чернила, вот и поэт выпускает чернила в нападающего или игнорирующего» [Поэзия в публичном пространстве 2007: 161]. Уравнивание слова и тела происходит и в интервью К. Медведева, подчеркивающего перформативность поэтической речи: «Радикальные художники распинают себя на кресте, пытаются превращать себя в животных, совершают агрессивные жесты <...> для меня все это имеет главный идеологический подтекст – есть тело, существует живая плоть. Поэзии это особенно необходимо, потому что тело дает структуру, гармонию. Боль и голос. <...> Поэзия – это живая плоть. Твоя собственная» [Медведев 2001].

О превращении тела в инструмент письма заходит речь и у М. Степановой. Вероятная связь слова и тела определяется только их совпадением в статусе инструмента. Рассуждая о Цветаевой, Степанова отмечает у нее «снихождительное отношение к языку: как к послушному инструменту – или части собственного тела» [Степанова 2014: 146]. Тело здесь – только средство, обслуживающее «лирическую машину»; «добродетель авторства» сводит «тело до роли объекта для эксперимента – и хорошо, если не до анатомического театра» [Степанова 2014: 132].

В интервью И. Булатовского физиологично само создание текста: «И потом, мне просто физически, физиологически нравилось красивое упорядочивание слов в пределах квадрата. Головоломка такая» [Булатовский 2014: 31]. Об осязаемости и «телесности» речи говорит в своем интервью и А. Поляков: «Поэзия – это то, что делает речь чувственной *вещью*. То, что напоминает тебе о реальном существовании речи, делает речь осязаемой» [Поляков 2007: 34].

В некоторых поэтологических контекстах акцентируется не просто связь текстуальности и телесности, но выход через текст к новой чувственности. Мысль о том, что вероятный выход культуры в плоскость экспериментов с генетикой изменит параметры чувственности – лейтмотив многих выступлений Д. Пригова конца

1990 – начала 2000-х гг. Пригов, отмечая, что в культуре «налицо реальные научные и медицинские свидетельства, возможности скорого <...> переступания в новую антропологию», обращает внимание на возможности складывания в этом контексте нового эстетизиса: «Предположим, что та же новая антропология одарит человека еще одним органом чувств, или, скажем, бытованием еще в одном, добавочном измерении» [Пригов 2019: 472–473].

Это предположение в связи с активным развитием нейронных сетей актуализировало проблематику «расширенной» чувственности много позже, уже в 2010-е гг. В частности, у Е. Суловой эстетическая и, в частности, поэтическая практика – это «практика выращивания невозможных для зрения и слуха тел» [Сулова 2016: 49].

В эссеистике М. Степановой поэзия определяется через ее связь с «иным» и «другим»: «Назначение поэзии <...> в том и состоит, чтобы <...> быть прорехой, черной дырой, ведущей бог весть куда и с какими целями» [Степанова 2014: 22]. Экзистенциальная неосвоенность этого «чужого» позволяет рассматривать поэзию как «арену антропологического эксперимента» [Степанова 2014: 26], как «предприятие по добыче некоего экстремального (или хотя бы специального, не легко и не всем дающегося) опыта», который призван «подтолкнуть читателя, вывести его из себя (куда-то во вне себя)» [Степанова 2014: 37]. Поэт выступает и первооткрывателем новых областей бытия, и проводником в эти области.

Телесность – важнейшая, но не единственная точка соотнесения поэзии с субъектностью. В большом корпусе текстов поэзия рассматривается как способ отражения целокупного опыта субъективного бытия как бытия-к-смерти.

Самым характерным примером этой смысловой линии оказывается эссеистика А. Скидана: «Человеческим в человеке является смерть как возможность. <...> Смысл как таковой возникает лишь через посредство нашей сущностной связи с собственной конечностью» [Скидан 2001: 20]. Письмо, в том числе поэтическое, – это незавершаемая попытка овладеть собственной конечностью, обрести свое «я» в акте исчезновения: «Это не парадокс; акт самоубийства в действительности тщится вернуть субъекту то, что изначально им было утра-

чено, передоверено символическому порядку: смерть как возможность» [Скидан 2001: 11].

Вариации на эту тему можно найти в широком наборе примеров.

Как правило, апелляция к конечности входит в число других сущностных признаков поэзии, а не рассматривается как ее определяющая, интегральная черта. В опросе «Воздуха» В. Лехциер упоминает о бытии-к-смерти в ряду других экзистенциальных смыслов: «Поэзия как форма приватизации собственного существования <...>, поэзия как самотерапия и самостроительство, как неизбежный ответ собственной фактичности в свете собственной конечности, наконец, как возможность трансформации и нетривиального диалога с языком и вещами, – этого у поэзии никто не отнимет. Представляется, что экзистенциальный смысл поэзии сегодня наиболее очевиден» [Поэзия в публичном пространстве 2007: 168].

В то же время в целом ряде источников переживание конечности – это именно ведущее свойство поэтического. Один из самых прямолинейных примеров такого рода – эссеистика Г. Шульпякова: «Мне кажется, что стихи <...> бывают наполнены поэзией только в том случае, если рождаются из внутренней катастрофы, связанной с переживанием одной простой вещи. Ее можно сформулировать так: „мир прекрасен, а человек умирает“. <...> Настоящая поэзия начинается там, где поэт пытается пережить это противоречие» [Шульпяков 2019].

В интервью А. Полякова акценты сдвинуты: поэзия есть упражнение в умирании не потому, что выявляет пределы субъекта, а потому что позволяет вынести за скобки авторское «я», но само направление размышлений выстраивается по той же типологической модели: «Твоя смерть должна быть чистым лингвистическим <...> актом, в котором нечистота твоего „я“ растворится полностью, ведь для поэта личностное, неязыковое бессмертие – прежде всего феноменологически – некорректно. <...> Складывать стишки – значит сбивать жизнь со следу, значит учиться умирать: учить себя и других забвению человека, всего в поэте, что не есть поэт» [Поляков 2007: 31].

В некоторых определениях поэзии стремление за пределы бытия интерпретируется как поиск сверхзнания, объемлющего опыт субъекта, или как способ проявить особое видение.

О необходимости для поэта обладать таким видением пишет А. Парщиков: «Видение формируется <...> в кругу поэтов, у которых видение – есть. За видением идет алогичная, бесконтрольная охота. Если поэт не видит, он слаб и поверхностен как художник <...> Отсутствие видения – это трагедия, лучше бросить письмо» [О возможности обучения поэзии 2008].

«Гносеологическое» понимание предела обнаруживается у И. Булатовского и В. Иваніва. У Булатовского речь идет поэзии как способе решения метафизической задачи: «Стихи (опять же говорю о себе) – это, честно говоря, сплошной каламбур, рип, но с каким-то теологическим привкусом. Внутри них как бы постоянно шутят друг с другом какие-то дифференциальные ангелы, толпящиеся на кончике иглы» [Булатовский 2014: 33]. У В. Иваніва речь идет о раскрытии смыслов, скрытых по ту сторону бытия: «Мне всегда казалось, что стихи – это загадка, энигма. Загадываешься о собственной жизни. Но нужно и разгадывать. И вот жизнь накапливается, но ответа не дает прямого. И нужно все строчки этой таблички заполнить, показать скрытое сходство, обман и правду» [Иванів 2006].

Еще одно направление освоения границ – поиск предельности в языке и осмысление возможности за выявленные пределы переступить. Как отмечал Н. Сунгатов, в новейшей русской поэзии в самой поэтике можно выявить попытки создания «предельных моделей языка», «абсолютизирующих один из возможных взглядов на язык и представляющих отдельные его свойства, функции и атрибуты как целостный образ» [Сунгатов 2016: 341].

Эта установка реализуется не только в структуре текста, но и в рефлексии над поэзией как культурной практикой. При этом тематизация пределов может быть связана с интерпретацией поэзии как языка в особом состоянии, как явления, лишь отчасти связанного с языком, или как явления прежде всего внеязыкового.

Примеров первого рода особенно много. В поэтологии, выработанной в 1970–1980-е и сохранявшей свое значение в последующие десятилетия, тезис об особой роли языка был одним из самых распространенных. Даже оставляя за скобками широко известные высказывания И. Бродского на этот счет, нетрудно найти типологически близкие примеры.

В интервью В. Кривулина появляется характерное определение: «Поэзия на самом деле – это разговор самого языка» [Кривулин 1999: 365], а в интервью М. Айзенберга – похожая формула: «Поэзия – высказывание языка, а не высказывание с помощью языка» [Айзенберг 2005б]. В поэтологии рубежа 1990–2000-х гг. даже отказ от интерпретации языка как «субъекта» тем не менее часто предполагал сохранение представления о том, что «поэзия – это действующее, действенное слово», и все искусство поэта состоит в создании своей модели «действенности» [Айзенберг 2000].

Природа этой «действенности» могла быть глубоко различной. Для В. Павловой «поэзия – это единственные слова в единственном порядке» [Павлова 2008]; для Д. Кудрявцева «поэзия – это упражнение в лаконизме» [Кудрявцев 2009]; для А. Уланова «поэзия – один из способов более интересной жизни», предполагающий стремление к «индивидуальности, сложности, многозначности высказывания, рефлексивную дистанцию от стандартов речи и поведения» [Поэзия в публичном пространстве 2007: 165].

Трансгрессивные смыслы, связанные с языком, как явствует из этого неполного перечня, могли быть очень и очень различными; одним из наиболее экзотичных примеров здесь является случай Н. Кононова, связавшего с обретением словом поэтического качества размывание референции, когда реальность становится «ноуменальным ничто, неким чудесным зиянием, вакансией», создание которой и определяет трансформацию речевой материи: «Меня интересует, как я понимаю свое понимание недоумения перед тем, что я хочу описать <...>. Это похоже на ленту Мебиуса, но не из бумаги, а из слов, которые вдруг могут все перевернуть. И мир делается миром. И сияет» [Золотонос, Кононов 2002: 11].

Поскольку возможность такого перехода может быть рассмотрена вне зависимости традиционных поэтических средств, вне зависимости от этих средств, как например у В. Нугатова, может быть рассмотрена и сама поэзия: «Если идти от формы, мы сталкиваемся с тем фактом, что современная поэзия способна принимать практически любую форму – визуальную, звуковую, ритмическую и т. д. <...>. Если же акцентировать содержание, мы

и здесь встречаем такое же <...> прогрессирующее размывание границ. <...> Если поэзия – лишь способ словесного моделирования, тогда чем она принципиально отличается от других вербальных технологий: копирайтинга, PR, НЛП и т. п.? Если же в поэзии всегда присутствует некий невербальный „остаток“, который и делает поэзию поэзией, какова его природа и каким образом можно его вычлениить?» [Поэзия в публичном пространстве 2007: 169].

Одной из предельных позиций в этой перспективе оказывается та, с упоминания которой была начата эта статья, – позиция, реализуемая в поэтологической рефлексии Е. Суловой. Отталкиваясь от наблюдений над поэзией конца XX – начала XXI вв., Сулова отмечает «смещение центра внимания от вопросов взаимоотношений мира и языка, характерных для поэзии исторического авангарда, к когнитивным аспектам языковой и речевой деятельности» [Сулова 2013: 4]. Этот тезис оказывается отправной точкой в конструировании собственной поэтологии, в которой поэзия трактуется как феномен, возникающий на пересечении языковых, когнитивных и медийных процессов: «Письмо рассматривается нами <...> как когнитивная технология, предполагающая множественность процедур перевода, например, из сферы свернутых концептов в сферу поверхностно-речевого развертывания, из фонового в предметный слой и т. д.» [Самостиенко 2020].

Выводы

Таким образом, в 1990–2010-х гг. представления о поэзии как культурной практике выстраиваются во многом с учетом концепта границы. Пограничность – примета кризисной

современности, в которой переход оказывается способом преодоления социальной и культурной стагнации, а также инерции литературного развития. Стремление к смысловым границам можно интерпретировать как реакцию на кризис «новизны», на протяжении всей истории модернизма рассматривавшийся как важнейший эстетический критерий.

Поэзия больше не связана прямо с выражением субъективности и отражением личного опыта; поэзия больше не предполагает обязательного соотношения со стиховой формой, даже самой свободной; в манифестациях многих поэтов поэзия вообще иногда выносится за рамки литературы, рассматривается как «способ мышления» или «способ действия». Универсальной характеристикой современной поэзии как культурной практики, таким образом, оказывается производство границ – семантических, бытийных, эстетических и т. д. В этом отношении поэзия становится одним из способов философского «ситуирования» человека, определения его места в мире без учета любых «готовых» представлений о его устройстве.

Сложившаяся в XX веке традиция интерпретации поэзии как «авангардной» литературной практики, способной моделировать будущее языка, в обстоятельствах XXI века изменяется: поэзия все чаще оказывается своего рода «критической теорией», выступает как способ проблематизации литературы и культуры в целом. Поэзия становится трансгрессивной практикой, испытывающей антропологические, экзистенциальные и языковые пределы, в ней обозначается запрос на пересмотр самих оснований письма, на новую модель «литературности».

Литература

- Айзенберг, М. Григорий Дашевский. Генрих и Семен / М. Айзенберг. – 2000. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/aizenberg-o-dashevskom/dossier_993/view_print/ (дата обращения: 10.05.2022). – Текст : электронный.
- Айзенберг, М. Оправданное присутствие : сборник статей / М. Айзенберг. – М. : Новое издательство ; Baltrus, 2005a. – 212 с.
- Айзенберг, М. Стихи – это разговор / М. Айзенберг. – 2005б. – URL: <https://polit.ru/article/2005/11/29/eisenberg/> (дата обращения: 10.05.2022). – Текст : электронный.
- Астина, М. Язык, поэзия и язык(и) поэзии. Интервью с Гали-Даной Зингер / М. Астина. – 2010. – URL: <https://peregrinasimilitudo.blogspot.com/2010/07/blog-post.html> (дата обращения: 10.05.2022). – Текст : электронный.
- Булатовский, И. Интервью с Линор Горалик / И. Булатовский // Воздух. – 2014. – № 3–4. – С. 30–36.
- Глазова, А. Нарцисс. О последнем сборнике стихов Григория Дашевского / А. Глазова. – 2014. – URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/1954> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Гулин, И. Что происходит с текстом? / И. Гулин. – 2018. – URL: <https://syg.ma/@igor-gulin/chto-proiskhodit-s-tiekstom> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Гулин, И. До смерти и обратно. О «Краткой истории внимания» Михаила Гронаса / И. Гулин // Коммерсантъ Weekend. – 2019. – № 35. – С. 20.

- Дашевский, Г. Избранные статьи / Г. Дашевский. – М. : Новое издательство, 2015. – 200 с.
- Дубин, Б. На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке / Б. Дубин. – М. : Запасный выход, 2005. – 528 с.
- Дубин, Б. О людях и книгах / Б. Дубин. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2018. – 632 с.
- Золотоносов, М. 3/К, или Вивисекция. Книга протоколов / М. Золотоносов, Н. Кононов. – СПб. : МОДЕРН, 2002. – 208 с.
- Иванів, В. Интервью / В. Иванів. – 2006. – URL: <https://topos.ru/article/5204> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Кривулин, В. «Поэзия – это разговор самого языка» / В. Кривулин // Кулаков В. Поэзия как факт. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – С. 360–377.
- Кудрявцев, Д. Идеальная книга – анонимна / Д. Кудрявцев. – 2009. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kdgrvc-int/dossier_1705/ (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Кукулин, И. Прорыв к невозможной связи / И. Кукулин. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. – 696 с.
- Медведев, К. «Целый роман, полный оргий, смертей и мук, можно перевести ради одной фразы». Интервью с Кириллом Медведевым / К. Медведев. – 2001. – URL: http://old.russ.ru/krug/20011213_kalash.html (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- О возможности обучения поэзии // Воздух. – 2008. – № 3. – С. 177–194.
- О премии. – 2014. – URL: <http://atd-premia.ru/about-2/> (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Огурцов, С. Нейротекст, или Практика выращивания невозможных тел / С. Огурцов // Суслова Е. Животное. – Нижний Новгород : Красная ласточка, 2016. – С. 9–26.
- Павлова, В. Книга о девственности поэта / В. Павлова. – 2008. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/shevelev-o-vere-pavlovoi/dossier_2733/ (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Поляков, А. Интервью с Линор Горалик / А. Поляков // Воздух. – 2007. – № 3. – С. 22–39.
- Поэзия в публичном пространстве // Воздух. – 2007. – № 3. – С. 160–172.
- Пригов, Д. А. Мысли. Избранные манифесты, статьи, интервью / Д. А. Пригов ; под ред. М. Липовецкого и И. Кукулина. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 792 с.
- Самостиенко, Е. Внутренние зоны обмена: письмо и дискурсивные модели / Е. Самостиенко. – 2020. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=4JJ8m4FGkAo&feature=share&fbclid=IwAR2HIdzmbqIDaxbo-g9Lgu_VXpVtuUuBlkDSEgUmGVUAuXZa_XvZRYfS-8s (дата обращения: 10.02.2022). – Текст : электронный.
- Седакова, О. А. Четыре тома. Том III. Poetica / О. А. Седакова. – М. : ПРОМЕДИЯ ; Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 584 с.
- Скидан, А. Сопротивление поэзии: Изыскания и эссе / А. Скидан. – СПб. : Борей-Арт, 2001. – 284 с.
- Степанова, М. Один, не один, не я / М. Степанова. – М. : Новое издательство, 2014. – 230 с.
- Сунгатов, Н. Предельное моделирование языка как способ поэтической новации / Н. Сунгатов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – М. : [б. и.], 2016. – С. 340–348.
- Суслова, Е. Рефлексивность в языке современной русской поэзии (субъективация и тавтологизация) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Суслова Е. – СПб., 2013. – 16 с.
- Суслова, Е. Животное / Е. Суслова. – Нижний Новгород : Красная ласточка, 2019. – 144 с.
- Фанайлова, Е. Жест / Е. Фанайлова // РЕЦ. – 2008. – № 52. – С. 14–16.
- Фридрихс, Е. О сборнике / Е. Фридрихс // Субъект и лиминальность в современной поэзии. Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsdichtung. Том / Band 81.1. Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной русскоязычной поэзии. – Berlin : Peter Lang, 2020. – С. 1–14.
- Шульпяков, Г. Мир прекрасен, а человек умирает / Г. Шульпяков. – Текст : электронный // Арion. – 2019. – № 1. – URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2&number=121&idx=2333> (дата обращения: 10.02.2022).
- Hillebrandt, C. Theories of Lyric / C. Hillebrandt, S. Klimek, R. Müller, W. Waters, R. Zymner // Journal of Literary Theory. – 2017. – Vol. 11, Issue 1. – P. 1–11.
- Lamping, D. Theorien der Lyrik / D. Lamping // Handbuch Gattungstheorie / Herausgegeben von Rüdiger Zymner. – Stuttgart, Weimar : Springer, 2010. – P. 324–328.
- Michelis, A. Eat My Words: Poetry as Transgression / A. Michelis // Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric. – Amsterdam : Rodopi, 2005. – P. 81–98.
- Müller-Zettelmann, E. Introduction / E. Müller-Zettelmann, M. Rubik // Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric. – Amsterdam : Rodopi, 2005. – P. 7–20.
- Ramazani, J. Lyric Poetry: Intergeneric, Transnational, Translingual? / J. Ramazani // Journal of Literary Theory. – 2017. – Vol. 11, Issue 1. – P. 97–107. – DOI:10.1515/jlt-2017-0011.
- Rodriguez, A. Lyric Reading and Empathy / A. Rodriguez // Journal of Literary Theory. – 2017. – Vol. 11, Issue 1. – P. 108–117. – DOI:10.1515/jlt-2017-0012.
- Wolf, W. The Lyric: Problems of Definition and a Proposal for Reconceptualisation / W. Wolf // Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric. – Amsterdam : Rodopi, 2005. – P. 21–56.
- Zymner, R. Theorien der Lyrik seit dem 18. Jahrhundert / R. Zymner // Handbuch Lyrik. Theorie, Analyse, Geschichte / Herausgegeben von Dieter Lamping. – Stuttgart, Weimar : Springer, 2010. – P. 21–34.

References

- Astina, M. (2010). *Yazyk, poeziya i yazyk(i) poezii. Interv'yu s Gali-Danoi Zinger* [Language, Poetry and the Language(s) of Poetry. Interview with Gali-Dana Zinger]. <https://peregrinasimilitudo.blogspot.com/2010/07/blog-post.html> (mode of access: 10.05.2022).

- Ayzenberg, M. (2000). *Grigorii Dashevskii. Genrikk i Semen* [Grigory Dashevsky. Genrikk and Semen]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/aizenberg-o-dashevskom/dossier_993/view_print/ (mode of access: 10.05.2022).
- Ayzenberg, M. (2005a). *Opravdannoe prisutstvie* [Justified Presence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, Baltrus. 212 p.
- Ayzenberg, M. (2005b). *Stikhi – eto razgovor* [Poems Are Conversation]. URL: <https://polit.ru/article/2005/11/29/eisenberg/> (mode of access: 10.05.2022).
- Bulatovsky, I. (2014). Interv'yu s Linor Goralik [Interview with Linor Goralik]. In *Vozdukh*. No. 3–4, pp. 30–36.
- Dashevsky, G. (2015). *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 200 p.
- Dubin, B. (2005). *Na polyakh pis'ma. Zametki o strategiyakh mysli i slova v XX veke* [In the Margins of the Writing. Notes on the Strategies of Thought and Word in the 20th Century]. Moscow, Zapasnyi vykhod. 528 p.
- Dubin, B. (2018). *O lyudyakh i knigakh* [About People and Books]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 632 p.
- Fanaylova, E. (2008). Zhest [Gesture]. In *RETS*. No. 52, pp. 14–16.
- Friedrichs, E. (2020). O sbornike [About the Collection]. In *Sub'ekt i liminal'nost' v sovremennoi poezii. Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsdichtung. Tom / Band 81.1. Granitsy, porogi, liminal'nost' i sub'ektivnost' v sovremennoi russkoyazychnoi poezii*. Berlin, Peter Lang, pp. 1–14.
- Glazova, A. (2014). *Nartsiss. O poslednem sbornike stikhov Grigoriya Dashevskogo* [Narcissus. About the Last Book of Poems by Grigory Dashevsky]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/1954> (mode of access: 10.02.2022).
- Gulin, I. (2018). *Chto proiskhodit s tekstom?* [What Happens to the Text?]. URL: <https://syg.ma/@igor-gulin/ch-to-proiskhodit-s-tiekstom> (mode of access: 10.02.2022).
- Gulin, I. (2019). Do smerti i obratno. O «Kratkoi istorii vnimaniya» Mikhaila Gronasa [To Death and Back. About "A Brief History of Attention" by Mikhail Gronas]. In *Kommersant Weekend*. No. 35, p. 20.
- Hillebrandt, C., Klimek, S., Müller, R., Waters, W., Zymner, R. (2017). Theories of Lyric. In *Journal of Literary Theory*. Vol. 11. Issue 1, pp. 1–11.
- Ivaniv, V. (2006). *Interv'yu* [Interview]. URL: <https://topos.ru/article/5204> (mode of access: 10.02.2022).
- Krivulin, V. (1999). Poeziya – eto razgovor samogo yazyka [Poetry Is the Conversation of Language Itself]. In Kula-kov, V. *Poeziya kak fakt*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 360–377.
- Kudryavtsev, D. (2009). *Ideal'naya kniga – anonimna* [The Perfect Book Is Anonymous]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kdrvc-int/dossier_1705/ (mode of access: 10.02.2022).
- Kukulin, I. (2019). *Proryv k nevozmozhnoi svyazi* [Breakthrough to Impossible Connection]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi. 696 p.
- Lamping, D. (2010). Theorien der Lyrik. In *Handbuch Gattungstheorie* / Herausgegeben von Rüdiger Zymner. Stuttgart, Weimar, Springer, pp. 324–328.
- Medvedev, K. (2001). Tselyi roman, polnyi orgii, smertei i muk, možhno perevesti radi odnoi frazy. Interviyu s Kirillom Medvedevym [A Whole Novel, Full of Orgies, Deaths and Torments, Can Be Translated for the Sake of One Phrase. Interview with Kirill Medvedev]. URL: http://old.russ.ru//krug/20011213_kalash.html (mode of access: 10.02.2022).
- Michelis, A. (2005). Eat My Words: Poetry as Transgression. In *Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric*. Amsterdam, Rodopi, pp. 81–98.
- Müller-Zetzelmann, E., Rubik, M. (2005). Introduction. In *Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric*. Amsterdam, Rodopi, pp. 7–20.
- O premii [About the Award]. (2014). URL: <http://atd-premia.ru/about-2/> (mode of access: 10.02.2022).
- O vozmozhnosti obucheniya poezii [On the Possibility of Teaching Poetry]. (2008). In *Vozdukh*. No. 3, pp. 177–194.
- Ogurtsov, S. (2016). Neirotekst, ili Praktika vyrashchivaniya nevozmozhnykh tel [Neurotext, or the Practice of Growing Impossible Bodies]. In Suslova, E. *Zhivotnoe*. Nizhny Novgorod, Krasnaya lastochka, pp. 9–26.
- Pavlova, V. (2008). *Kniga devstvennosti poeta* [The Poet's Virginity Book]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/shevelev-o-vere-pavlovoi/dossier_2733/ (mode of access: 10.02.2022).
- Poeziya v publichnom prostranstve [Poetry in Public Space]. (2007). In *Vozdukh*. No. 3, pp. 160–172.
- Polyakov, A. (2007). Interv'yu s Linor Goralik [Interview with Linor Goralik]. In *Vozdukh*. No. 3, pp. 22–39.
- Prigov, D. A. (2019). *Mysli. Izbrannye manifesty, stat'i, interv'yu* [Thoughts. Selected Manifestos, Articles, Interview] / ed. by M. Lipovetsky, I. Kukulin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 792 p.
- Ramazani, J. (2017). Lyric Poetry: Intergeneric, Transnational, Translingual? In *Journal of Literary Theory*. Vol. 11. Issue 1, pp. 97–107. DOI: 10.1515/jlt-2017-0011.
- Rodriguez, A. (2017). Lyric Reading and Empathy. In *Journal of Literary Theory*. Vol. 11. Issue 1, pp. 108–117. DOI: 10.1515/jlt-2017-0012.
- Samostienko, E. (2020). *Vnutrennie zony obmena: pis'mo i diskursivnye modeli* [Inner Exchange Zones: Writing and Discursive Models]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4JJ8m4FGkAO&feature=share&fbclid=IwAR2HIDzmbqIDaxbo-g9Lgu_VXpVtuUuBLkDSEgUmGVUaUXZa_XvZRYfS-8s (mode of access: 10.02.2022).
- Sedakova, O. A. (2010). *Chetyre toma. Tom III. Poetika* [Four Volumes. Volume III. Poetics]. Moscow, PROMEDIA, Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. 584 p.
- Shul'pyakov, G. (2019). Mir prekrasen, a chelovek umiraet [The World Is Beautiful, but a Human Dies]. In *Arion*. No. 1. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2&number=121&idx=2333> (mode of access: 10.02.2022).
- Skidan, A. (2001). *Soprotivlenie poezii: Izyskaniya i esse* [Poetry Resistance: Researches and Essays]. Saint Petersburg, Borey-Art. 284 p.
- Stepanova, M. (2014). *Odin, ne odin, ne ya* [Alone, Not Alone, Not Me]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 230 p.
- Sungatov, N. (2016). Predel'noe modelirovanie yazyka kak sposob poeticheskoi novatsii [Ultimate Language Modeling as a Way of Poetic Innovation]. In *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*. Moscow, pp. 340–348.

Suslova, E. (2013). *Refleksivnost' v yazyke sovremennoi russkoi poezii (subektivatsiya i tautologizatsiya)* [Reflexivity in the Language of Modern Russian Poetry (Subjectivation and Tautologisation)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 16 p.

Suslova, E. (2016). *Zhivotnoe* [Animal]. Nizhny Novgorod, Krasnaya lastochka. 144 p.

Wolf, W. (2005). The Lyric: Problems of Definition and a Proposal for Reconceptualisation. In *Theory into Poetry: New Approaches to the Lyric*. Amsterdam, Rodopi, pp. 21–56.

Zolotonosov, M., Kononov, N. (2002). *Z/K, ili Vivisektsiya. Kniga protokolov* [Z/K, or Vivisection. Book of Protocols]. Saint Petersburg, MODERN. 208 p.

Zymner, R. (2011). Theorien der Lyrik seit dem 18. Jahrhundert. In *Handbuch Lyrik. Theorie, Analyse, Geschichte* / Herausgegeben von Dieter Lamping. Stuttgart, Weimar, Springer, pp. 21–34.

Данные об авторе

Житенев Александр Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская площадь, 1.

E-mail: superbia@mail.ru.

Author's information

Zhitenev Aleksandr Anatolyevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Publishing, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Дата поступления: 10.05.2022; дата публикации: 29.06.2022   Date of receipt: 10.05.2022; date of publication: 29.06.2022